

П.П. ВЕЛИКИЙ

ФЕРМЕРСТВО: ЖИЗНЕННЫЙ МИР И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр РАН», Саратов, Россия (iagpran@mail.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты многолетнего социологического наблюдения за зарождением, становлением и современными реалиями акторов фермерского уклада. В исследовании использовалась стратегия смешанных методов, интегрирующих количественные и качественные компоненты, участвующего наблюдения, визуальные процедуры. Показана специфика жизнедеятельности фермеров в контексте подручности средств ведения всего объема трудовых операций, барьеров на социальном и территориальном пространстве и непреходящей озабоченности по их устранению. Обосновано положение о том, что релевантное отображение реалий жизнедеятельности фермеров достижимо при выделении внутренних групп, нахождении общих и специфических черт в поддержании материальной базы хозяйствования, включенности в общественную среду, высоком/низком уровнях оптимизма и духовности. Обоснована специфика структуры жизненного мира сельских жителей, которая включает материальное, социальное, показывая методологические перспективы социологического изучения соразмерности присутствия в нем всех групп фермерства. Ставится проблема влияния фермерства на соприкасающееся с ним сельское население в связи со стихийно сложившимися границами земель сельскохозяйственного назначения, ущемления прав его по доступу к природным ресурсам лесов, лугов, водоемов.

Ключевые слова: фермеры • жизненный мир • социальное самочувствие • материальная оснащенность • подручность • озабоченность • оптимизм • здоровье • эмоциональный тонус • культура • духовность

DOI: 10.31857/S0132162525020037

Жизненный мир фермерства в проекции социологического наблюдения. Моя профессиональная работа в Институте аграрных проблем РАН в течение более 30 лет, включая непрерывное наблюдение динамики аграрной реформы, оставила в памяти много позитивных впечатлений и до сих пор непроясненных вопросов. Среди них становление на раннем этапе и уже сложившиеся нормативные и этосные реалии жизнедеятельности фермерства нашего времени. Не входя в споры сторонников о достоинствах разной величины фермерских хозяйств, отмечу, что жизнь под воздействием внутренних и внешних факторов расставила структурные и социально-экономические признаки фермерства в России вопреки опыту западных стран и доктринам, опирающимся на столыпинские модели частного землепользования.

Прежде всего фермерский уклад в АПК не вводился «директивно» (к нему привыкли и население, и местные управленческие структуры), его не воспрещалось создавать, для чего государство создавало институциональные основания. Массовые слои сельских жителей не понимали ценности земли, зато это хорошо понимал узкий круг тех, кто управлял сельским хозяйством или состоял в одной сетевой близости и обладал властью

принимать решения о выделении сельскохозяйственных угодий. Многие председатели колхозов и директора совхозов, став руководителями корпоративно-долевого сектора, а нередко и единственными собственниками материальной базы коллективных хозяйств, продолжали заботиться о выживании своих коллективов.

Иную позицию заняли фермеры, которые, перейдя в этот уклад, ограничивались трудоустройством небольшой части односельчан, заботясь только о нем, не испытывая особых потребностей думать еще о благах сообщества деревни. Руководители сельскохозяйственных акционерных организаций, сравнивая свою озабоченность с фермерской, оценивают последних в негативной тональности. «Легко устроились, не то, что мы, да еще могут соблазнить арендодателей земли передать им свои пай, из которых состоят наши земельные фонды». Но думать о проблемах села все же приходилось, к чему фермеров приучал аппарат муниципальных органов сельских территорий. Эта практика продолжается и по настоящее время, нередко показывая примеры благотворительности высокого класса: строятся школы, помещения для учреждений культуры, дороги.

Но на начальном этапе возникновения фермерского уклада и фермеры с большим трудом адаптировались к своему статусу. Некоторые более успешно. Недавно я повстречал вновь женщину, 20 лет тому назад только вникавшую в суть фермерства, сейчас она уже имеет хорошее животноводческое хозяйство, магазин в своем селе, наладила доставку молочных продуктов в городские учреждения, в точности с запросом потребителей, совершаемых через Интернет. Другие – менее. В этом же селе другой фермер-полевод, соединив свой земельный пай с арендованной пашней, нанял соседа на уборку урожая. Когда приехал на поле, обнаружил, что тот сделал уже несколько кругов, ссыпая зерно на землю. На вопли новоиспеченного фермера постколхозник с издевкой ответил: «Я нанялся косить поле, а отвозить зерно – твоя забота». И мелкий фермер, человек, сохранивший ценности священного отношения к хлебу, не смог выдержать подобную перспективу для себя: все ресурсы хозяйства продал, занявшись пчеловодством. Конечно, подобное уже в прошлом: не имея вариантов доступной трудовой занятости в местах жительства, односельчане поняли, что с фермером лучше дружить, потому что имеется шанс получить лучшее место.

Величина сельскохозяйственных угодий, в первую очередь пахотной земли, самый значительный, даже решающий фактор успешности фермерского хозяйства. Те, кому удалось получить большие участки земли, с годами наращивали ресурсы: приобретали сельскохозяйственную технику, строили мастерские для ее ремонта, ангары, чего не мог делать мелкий фермер.

Несмотря на меры стимулирования вхождения в фермерство, создание новых хозяйств с 2015 г. застопорилось. Во-первых, хозяйства могут быть только мелкими: вся земля, даже заросшая мелкоколесьем и сорными травами, находится в чьей-то собственности. Во-вторых, молодые люди, входящие в фермерский уклад, слабо представляют какие расходы им придется нести с первых же лет.

Вот типичный образ начинающего фермера в возрасте 30 лет: удалось получить 200 га земли (150 в частной собственности, 50 га – в аренде). Мотивация: фермером решил стать, чтобы не быть безработным. Вся техника не новая – российского и белорусского производства выпуска 2000–2010 гг. и ее не хватает. За последние три года материальное положение не изменилось (имеет от одного до полутора ВПМ). Больше всего его беспокоит состояние техники и сбыт готового продукта. Опора в делах – только на родственников. Его психическое самочувствие тревожное: присутствуют депрессия, беспокойный сон, преследует ощущение, что все дела даются с трудом «часто или постоянно». В отпуск он не уходит – нельзя отвлечься от хозяйства. Учреждения искусства не посещает. Тем не менее он не теряет надежды на позитивные результаты. На вопрос: будет ли он заниматься предпринимательской деятельностью всегда, отвечает утвердительно. А сложив в уме все трудности и перспективы, удовлетворенность жизнью оценивает на 8 баллов из 10.

Совсем другая ситуация у молодых фермеров, наследующих дело отцов. Например, подобный первому 30-летний фермер, унаследовавший 2 тыс. га земли, лично на земле не работает – только управляет. Жена занята исключительно детьми, не работает ни в какой организации формальной структуры. Ежегодно в летние месяцы плодотворно проводит отпуск, выезжая с семьей в Москву или Санкт-Петербург. К слову сказать, что такой взлет благополучия вряд ли доступен даже небольшой доле рядовых жителей сельских территорий.

Замысел и исследовательская задача. Акторы фермерского уклада в современной аграрной науке, особенно экономической, с разной степенью полноты изучаются как создатели аграрного продукта. Как правило, они попадают в расчеты и обобщения результатов отечественного АПК в одной упаковке с персоналом корпоративно-долевого уклада (ООО) наряду с другими коллективными акторами [Осинский, Бутуева, 2015]. Человеческий состав, их самочувствие и настроение, профессиональная и гуманистическая культура, статус и престиж, связь с сообществами сел совместного проживания и хозяйств вне анализа и обсуждения. Настоящая статья является фактически первой социологической публикацией, основанной на изучении целевой группы фермеров по этим критериям на основе исследования (формализованного и углубленного интервьюирования) 173 фермеров Саратовской области.

Отсутствие интереса к этой группе (в дальнейшем мы попытаемся показать ее формальный и реальный социально-классовый статус) непонятен: ведь это единственная группа богатых людей в сельском социуме. Богатые акторы есть и в других секторах АПК: акционеры с голосующим пакетом акций, предприниматели неаграрного профиля (например, хозяева автомастерских, заправочных станций), но они, как правило, горожане, создавшие бизнес в сельской местности, и занимают совсем небольшую нишу. К богатым или хотя бы умеренно зажиточным нельзя отнести всех фермеров. По данным сельскохозяйственной переписи 2021 г., из 118 290 численности фермеров попали 26 896 (или 22,7%), не имеющих сельскохозяйственных угодий [Группировка крестьянских..., 2022]. Фермер по определению деятель на земле: если у него нет ее в собственности или владении, он нетипичная фигура в фермерском укладе. И хотя как феномен пореформенной реальности его тоже следует изучать, мы в своем исследовательском проекте исключили таковых из анализа. Так считают ближайшее окружение и сами фермеры. По владению собственностью и масштабам ее увеличения это подтверждается. Эта группа представляет собой исследовательский интерес, поскольку демонстрирует возможности входа в фермерский состав в ранней стадии реформирования АПК и в новейшей реальности. Основные группы вошли в нее в более ранние сроки, когда условия отличались от современных. Объективные предпосылки границ между внутренними фермерскими группами нами были рассмотрены ранее [Великий, 2024]. В настоящей статье они будут представлены в одном из блоков инструментария изучения жизненного мира данной социальной группы. Жизненный мир фермеров включает все многообразие проявлений общественной и частной жизни, благополучие, настроение, перспективы и текущие планы жизнеустройства. Его наиболее полно отражают благополучие и самочувствие в субъективном их проявлении.

Методология и методика анализа. Жизненный мир фермерства не изолирован от социальной среды и ощущают неравную доступность благ и ценностей, которые входят в их жизнедеятельность. По этому же измерению существуют неравенства и внутри фермерского социума. Мы придерживались гипотезы о зависимости степени жизнеустройства фермеров от масштаба материально-технического оснащения хозяйства, которое накапливается десятилетиями. И этим обуславливается выбор границ между группами. Старт фермерского уклада начался в первом десятилетии XXI в., в него вошли наиболее активные и информационно компетентные мужчины в возрасте 40–45 лет. За 30-летие своей деятельности они, с одной стороны, накопили крупные ресурсы, но с другой – и состарились.

В рамках данной статьи не ставилась цель подробно изложить весь ход исследования и процедуры качественных методов. Отметим лишь, что требования (правила) подхода к изучению целевой группы соблюдены. Выделение групп внутри фермерства проведено логико-комбинаторскими методами классификации с учетом особого социально-экономического положения фермерства, не характерного для других групп сельского населения. Для анализа выделены равновеликие по численности группы по 30 опрошенных молодого (до 40 лет), среднего (41–60 лет) и старшего (61–72 года и старше) возраста, проверена адекватность реагирования ее на поисковые операции.

Относительно количества опрошенных целевой группы пока нет устоявшейся нормы и в практиках качественных методов избирается разное число [Квале, 2003: 106]. Исходя из допустимости аналитики, было признано целесообразным массив опрошенных фермеров сжать до минимального числа по 30 респондентов в каждой группе путем следующих процедур. Критерием отбора в группы явилось: отсутствие пропущенных значений в ответах респондентов и минимум переменных, с помощью которых можно логически выделить ведущие ориентации индивидов и групп. Вначале на первом этапе свидетельства наиболее общего характера (семейное положение, возраст, размеры земельных площадей, наличие техники) брались из всего массива (173 респондента).

Далее рассмотрим наиболее характерные черты жизненного мира выделенных групп фермерства с помощью наших эмпирических исследований. Материальный уровень их представлен в таблице.

Таблица

Распределение групп фермеров Саратовской области по размеру земли, оснащенности хозяйств техникой

Группы	Размер земли, га	Трактора советского производства	Трактора 2011–2023 гг. выпуска	Комбайны иностранного производства	Комбайны российского и белорусского производства 2011–2023 гг. выпуска
61–72 года и старше	2827,5	17	17	8	15
41–60 лет	1678,28	10	14	4	11
до 40 лет	1380,01	6	16	6	11

Примечание. В таблице даны объединенные данные по возрастным группам (в каждой по 30 фермеров).

Важно отметить некоторые особенности методики. Во-первых, при сравнении ответов всего массива (173 анкеты) и на отобранных из группы 90 респондентов видно, что разница между ними составляет менее одного процента. Во-вторых, переменные каждой анкеты оценены по единому правилу с позиции отображения в них изучаемых признаков и в неизменной формулировке представлены в каждой из трех групп. В-третьих, формирование шести смысловых блоков включало по 4–6 переменных, которые содержали наиболее характерные смыслы актуальной культуры и повседневности фермеров, находящихся на разных этапах жизненного пути. В-четвертых, группировка ответов позволяла сконструировать интегральный показатель соразмерности полей жизненного мира исследуемой группы и дать возможность скоординировано с ним оценивать роль частных типичных/нетипичных субъективных оценок. Поэтому, подсчитывая количество баллов для индивидов и их групп, мы разделяли их по соотношению высокого, среднего и низкого значения, которые вытекают из смыслов целевого интегрирующего индекса.

Среди источников, включающих методические подходы к измерению социоструктурных признаков, наиболее подходящими являются публикации Г.Г. Татаровой и А.В. Кученковой. Авторы отмечают, что основанием для принятия методических решений о составе

и структуре типологических признаков явился опыт измерения социального самочувствия [Татарова, Кученкова, 2016: 24]. Л.А. Беляева, выделив четыре компонента качества жизни, обосновала формулу расчета частных показателей [Беляева, 2010: 567]. А.Ю. Мягков, опираясь на исследования Е.В. Давыдовой, индекс социального самочувствия отдельных индивидов определяет как разность между средними оценками удовлетворенности и важности, которые присутствуют в переменных. Интегральный индекс социального самочувствия представляет собой среднее арифметическое значение индивидуальных индексов. Соответственно этому концептуальному подходу выделено положительное, нейтральное и отрицательное самочувствие [Мягков, 2015: 106–107]. Наш подход близок к используемому А.Ю. Мягковым, однако процедура выявления разности между показателями реального положения и желаемого подходит к ощущению человека в ситуации «здесь и сейчас». Большую глубину прошлого времени при такой постановке респондент вряд ли может «измерить».

Кроме того, как показали эмпирические данные нашего исследования, респонденты-фермеры каждый, даже неприметный момент своего бытия не связывают с обобщенной оценкой. Так, молодой фермер, зафиксировав недостатки (мало земли, старая техника, задолженность по кредитам, беспокойно спит), свое социальное самочувствие оценил на высший балл (№ 5). Принято считать, что это завышение типично для опрашиваемых любых социальных групп [Кученкова, Татарова, 2024: 15]. Но у фермерства сохранилась традиция советского крестьянского этоса: рассказать, сгущая краски о своем бедственном положении (которое было таким не везде и не всегда), не теряя достоинства («Мы все равно выстоим, нас ничем не проймешь»).

Соединив по тематике, направленности и востребованности ценности с позиций актуальной культуры, мы обнаружим некоторые границы между своеобразными полями жизненных миров внутренних групп. Идеальным было бы равномерное вхождение в эти поля демографических и социально-профессиональных групп. Однако это если и происходит в реальной жизни, то далеко неравномерно.

Исходя из изложенного, полагаем, что конструирование интегрального показателя необходимо связывать с понятиями доступности и соразмерности. Они близки, но второе больше подходит для включения в измерительные социологические инструменты возможности среды (доступности) и потребности, волеизъявления индивидов входить в поля жизненного мира общности.

Материальные предпосылки допускают выделение старшей и средней по возрасту групп в качестве отправных для совокупного анализа всей структуры фермерства. У них наиболее сбалансированы (примерно поровну плюсовых и минусовых значений), особенно в старшей группе, у которой больше, чем у всех остальных, позитивных (42,3%) и меньше негативных (7,7%) значений. Переход от старших к младшей группе демонстрирует снижение доли позитивных (до трети) и увеличение негативных (12,8 и 9%) значений. Еще одно замечание по поводу границ между группами фермерства: разделение на возрастные группы – до 40, 41–60, 61–72 лет не должно создавать впечатления, что на завтра по окончании, например, 40 лет он имеет уже другой материальный уровень, другое, лучше, социальное самочувствие. Напротив, некоторые раньше достигают результатов более укорененной группы, а другие, повзрослев, задерживаются в своей группе. Эти факты учтены в процессе анализа.

Различия между группами по материальному уровню не единственный фактор их дифференциации, что необходимо было учесть в содержании и направленности методики и инструментария исследования. Ответы респондентов о вещественном наполнении их бытия содержат и объективное зерно – площади возделываемых природных угодий, наличие сельскохозяйственной техники (в единицах и качестве), приобретение культиваторов, наличие квартиры в ближайшем городе, длительность пребывания в статусе фермера. Анкета полужформализованного интервью позволяла ввести в анализ все эти измерения. Другая часть – сугубо личностные самооценки своего нравственного уровня,

ориентации на внешние цели, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, которые, по методике Ш. Шварца, можно сгруппировать для выделения типичных черт духовного плана.

Структура всех измерений мотивационно-смысловой и деятельностных сторон жизнедеятельности трех групп фермерства включает шесть блоков: материальное положение, здоровье, включенность в общественную жизнь, оптимизм, культура (духовность), эмоциональная тональность, состав которых отвечает распространенным подходам, их набор отвечает классификации, принятой в социологии [Кученкова, Татарова, 2024; Мягков, 2015]. Полученные измерения, выраженные в баллах, позволили осуществить содержательную типологию.

Фактически само выделение групп по схожести уровней их материального оснащения и нахождение однотипных по социокультурному облику респондентов – это два обособленных, но связанных между собой измерения. Гипотетически мы допускали, что материальная и социокультурная составляющая (первое измерение) или пребывание в статусе крупного, среднего или мелкого фермера не являются жесткой предпосылкой того, что они будут отличаться друг от друга и духовно-нравственными качествами. И это важно было выявить, чтобы понять, насколько новая рыночно ориентированная реальность охватила акторов фермерского дела, насколько их самооценки совпадают/различаются от оценок взаимодействующей с ними среды. Изложенный подход реализован с использованием следующей эмпирической информации. Во-первых, в анкету формализованного интервью введены границы, отделяющие фермеров крупных, средних и мелких хозяйств, принимая во внимание принятые в статистике параметры. Во-вторых, в целях значимости фактора укоренения введены вопросы о возрасте, старте, оценке лучших времен деятельности фермера, намерениях, до какого возраста продолжать дело, кому передать в случае неотложной необходимости.

Далее включена серия вопросов по оценке своего положения в жизненном пространстве обитания деловых и межличностных отношений и в виртуальной сфере. Эти же вопросы пролонгированы в оценочных таблицах, в которых респонденты выставляли себе баллы по 1) удовлетворенности трудом и отношениями с контрагентами, 2) экономическим результатом своего хозяйства, 3) участию в общественной жизни своего поселения, 4) тревожности и покою, 5) включенности в светскую культуру и 6) институты религиозных конфессий.

Первый шаг в методике измерения заключается в отборе переменных, которые достаточно полно включают описание субъективных оценок своей встроенности в материальное, социальное и духовное поля жизненного мира, что начато с индивида, его ответов на вопросы анкеты.

Второй шаг – взвешивание (логически) каждого показателя, который войдет в оценку общего состояния социального самочувствия как отдельной группы, так и всей совокупности респондентов целевой группы. Подавляющая часть признаков укладывается в пятибалльную оценку. Полученные измерения, выраженные в баллах, открывали возможность проводить содержательную типологию.

Далее каждому индивиду отводилось место среди других групп, путем присвоения ему баллов по принятой методике. Такая операция проведена по всем шести выделенным блокам. В итоге получаем 17 групп баллов, демонстрирующих состояние социального самочувствия, без учета частных показателей жизнедеятельности, которые также корректируют общую картину связей и зависимостей.

Произведя две арифметические операции (сложение и деление), получаем индексы по каждой группе или величины непосредственно неизмеряемых единиц [Индексы..., 2002: 446].

Социальное самочувствие в разных группах фермеров. Какие переменные жизнедеятельности продвигали группу на высшие позиции? Какие понижали их позиции?

Общая оценка распределения балльных измерений показывает, что между фермерами в разных возрастных группах сохраняются небольшие различия в их жизненных

мирах. По индексам распределение составило: первой группы до 40 лет – 3,3; второй (41–60 лет) – 3,2; третьей (61–72 лет) – 3,4. Однако это не означает, что они одинаково, схоже соучаствуют, соразмерно представлены в каждом из полей жизненного мира. Только средняя группа (41–60 лет) включена в него относительно равномерно, остальные, как самая молодая (до 40 лет), так и старшая (61–72 и выше), оказались на равных с другими по преимущественному присутствию только в части блоков, и обилие высших баллов, которые присвоены ими, перекрыло факторную силу других блоков, оцененных на 1–2 балла. Этот парадокс демонстрирует первая, молодежная группа: наличие сельскохозяйственной техники оценивается в пяти баллах у 4/5 состава, между тем как наличие земли половина оценила на низший балл (единицу). Ситуация проясняется, если детально рассмотреть персональные анкеты респондентов этой группы. Оказывается, что в число их включена значительная часть молодежи – наследников фермеров, которые передали им весьма благополучные хозяйства, т.е. у них и техника хорошая, и доходы высокие, как и социально-психологический портрет. Молодые люди, вошедшие в фермерский уклад за счет грантов, другой помощи государства, таким потенциалом не обладают.

Необычна ситуация присутствия в пространстве жизненного мира фермерского социума и самой старшей группы (61–72 и старше). Только по первому смысловому блоку (материальное положение) они получают 110 баллов, за выделение финансовых средств на благотворительные цели – еще 60 баллов. В то же время на 1–2 балла оценены: перспектива продолжать бизнес в будущем, отношение к конкуренции, включенность в общественные организации, низкие оценки здоровья и психического самочувствия. Занятость фермерским делом не один десяток лет, усталость от повторяющихся воспроизводственных кругов в природе, которые требуют большого напряжения жизненных сил – все это не может не влиять на оптимизм человека. Тем не менее и среди этой группы встречаются типы стойкости и интереса к жизни, в основном замкнутые на поддержание своих детей и внуков.

Забот хватает. На своем подворье всю технику не разместить. Приходилось строить за пределами села ангар, где размещаю и зерно, и всякое оборудование, и технику. Дети у меня двое сыновей и дочь имеют свои семьи, живут в городе в собственных хороших квартирах, приобретенных за деньги от моих доходов. Да и сейчас каждому из них в год выделяю почти по одному миллиону. Ну и они помогают своим трудом в напряженные месяцы (фермер, 71 год, владеет 600 га земельных угодий)

Группа фермеров 41–60 лет интересна тем, что она входила в фермерский уклад в срединный период пореформенного времени, у которой были более высокие шансы использовать устоявшиеся отношения с банками, сервисными организациями и государством.

Показатели эмоционально-психологического благополучия у фермеров разного возраста различается: в составе фермеров старшего возраста удельный вес лиц с позитивным психологическим состоянием составляет 42,3% (при средней 34,4%), в то время как среди молодежи около 12,8% лиц с негативным эмоциональным фоном (при средней 9,7%). В составе старших возрастных групп около 67,9% никогда не испытывали депрессии (при средней 51,9%), 96,3% регулярно ощущали поддержку близких (при средней 91,8%), 74,1% – регулярно чувствовали прилив сил и энергии (при средней 71,8%). В то же время среди молодых фермеров около 23,1% регулярно ощущали проявления депрессии (при средней 13,3%), 33,3% чувствовали, что все дела даются им с трудом (27,7%), 18% – не могли собраться, мобилизовать себя (при средней 13,6%). Возможно, данный факт объясняется тем, что среди них более половины живут в ритме преодоления вызовов (51,7% указали, что для них каждый день не похож на другие (при средней 43,8%), требует постоянных усилий для решений ежедневных проблем). Фермеры старшего поколения в своем большинстве (70,4%) считают, что жизнь не рутинная, а захватывающая и волнующая, требует много сил и энергии. Почти половина в их составе указали, что,

если бы было возможно, они бы построили свою жизнь так же, как и сейчас, то есть ничего не поменяли бы. Максимальный уровень удовлетворенности жизнью демонстрируют фермеры в возрасте 41–60 лет.

Жизненный мир фермеров в социологической интерпретации. Фермерство настоящего времени является единственной социальной группой села, которую можно признать полноправным претендентом на статус особого класса в социоструктурном измерении и с позиции критериев среднего класса. Основной предпосылкой выделения фермерства в особый класс является владение частной собственностью по масштабам, несоизмеримым со всеми другими группами сельского населения. Однако укорененность составляющих его групп неодинакова.

Каждая возрастная группа входила в фермерский уклад в разные периоды аграрной реформы, которые открывали лучшие/худшие условия. Одна волна их, постаревших к настоящему времени, выработала стойкость к ограничениям, укоренилась и ее опыт очень важен как один из образцов репродукции кадров. Такую же ценность имеет опыт жизнедеятельности средней группы (41–60 лет), которая как бы соединяет реалии первых фермеров и адаптивные действия в условиях ограничений не столько институционализацией, сколько изменившимися локальными ситуациями: отсутствием возможности выбора кандидатов на роль наемного персонала, что является следствием деформирования демографической структуры села. Дело доходит до того, что в селах расположения фермерского хозяйства нет ни одного специально подготовленного механизатора и отсутствуют даже неквалифицированные лица, чтобы укомплектовать животноводство. Поэтому фермеры начали возводить жилье в надежде, что найдутся люди со стороны, которые откликнутся на это благо, став одновременно наемными работниками в фермерских хозяйствах.

Первая молодая группа, вступающая на фермерский путь в наши дни, состоит из двух подгрупп: 1) наследники, которые приходят на все готовое, созданное отцами, им нужно лишь осваивать опыт хозяйствования; 2) фермеры, которые, опираясь на средства стимулирующих актов государства (гранты, агростартапы, льготные кредиты и т.п.), находятся в более рискованном положении по причине изначальной финансовой несостоятельности. Открыть фермерское хозяйство с нуля и удержать его от распада с помощью одних только грантовых денежных средств очень трудно, то есть это более проблемная группа и по социальному самочувствию.

Предпосылкой социального самочувствия всех групп является соразмерность подручности, понятие в котором схвачено расположение средств не с позиции измеренного состояния, а того, чтобы всякий раз должно быть доступно. Еще одним признаком доступности стала степень озабоченности по поводу его состояния, то есть подручное должно быть уместно размещено, выставлено, приобретено [Хайдегер, 2003: 125]. Если участок земли находится за 30–40 км от родной деревни, то на тракторе домой ехать накладно и его участь близка той, о которой писал Н.А. Некрасов в «Размышлениях у парадного подъезда», чтобы фермер подобно сеятелю и кормильцу XIX в. ночевал не под телегой в степи, а в обустроенном месте.

Соразмерность ценностей жизненного мира – это мотивация быть сопричастным общностям села или сельской территории, проживание в соответствии с общепризнанными нормами. Однако подвести под него оценку разных, возникающих в сельской жизненной среде ситуаций, связей и отношений бывает затруднительно. Многие ценности в постсоветское время истолковываются порой с противоположных позиций. Взять, например, амбициозность – качество, признанное высокой ценностью в освоении новаций, устремленности на достижение целей, несмотря на ограничения. Между тем в структуре традиционных духовно-нравственных ценностей оно не наделяется столь высоким смыслом, не интересует фермеров и конкуренция.

Жизненное пространство села переполнено множеством противоречий, нестыковок между нормативностью и реальностью практически во всех сферах: производство

не приспособлено к тому, чтобы устранить безработицу, в социальной сфере – дать простор для реализации гражданской ответственности, в духовной – отсутствие высококвалифицированных наставников и просветителей, нет церквей для отправления религиозных чувств верующих и многое другое. С другой стороны, есть немало полей, где фермер, социальный субъект, обладающий несравненно большими финансовыми ресурсами, техникой, мог бы внести в жизнеустройство односельчан позитивное, что-то изменить, упорядочить, устранить, но этого не происходит совсем.

Фермеров редко любит и сельское сообщество. Когда я спросил номер телефона крупного фермера у мелкого его коллеги, он ответил: «Не знаю и знать не хочу». Не проходит обида, когда претендент на роль фермера прибыл со стороны и заполучил почти все земли бывшего колхоза, а к нуждам постколхозников безразличен. Конечно, он платит налоги, говорили его односельчане, и немалые, но что нам с этого? Ему двадцать наемных работников достаточно, а 80 жителям нашего села приходится мотаться по стране, чтоб обеспечить семьи.

Ситуация сочетания подручности и озабоченности фермерских ресурсов в первую очередь по поводу земельных угодий исторически сложилась хаотически. Одни участки недалеко от села, другие на самой границе с соседним районом. «*Просил: дайте в одном месте, не дали и не объяснили причину*» (фермер с двадцатилетним стажем).

Фермер-животновод, прогоняя скот на пастбище по узкой дороге между двумя земельными участками фермера-растениевода, постоянно находится в тревожной озабоченности не навредить посевам. Типична ситуация, когда один фермер распахивает проселочные дороги, по которым в дореформенное время подъезжали к полям, а другим приходится выезжать на оживленные шоссе и трассы, рискуя создать пробки рейсовым автобусам и легковым автомобилям.

Затрудняет расширение земель сельскохозяйственного назначения заросшие мелколесьем и сорными травами земли, то есть миллионы га, о которых в укор Минсельхозу и муниципальным властям часто говорят с разных трибун. Эти земли можно законодательным путем вернуть на общие цели от нерадивых собственников, но довести их до состояния пригодности для возделывания фермеры экономически не в состоянии. Не создает оптимистического настроения ситуация, когда с улучшением производственных показателей фермерских хозяйств идет снижение вклада в создание агропродукта семейных ЛПХ, что тоже обусловлено непорядочностью разделения земельных угодий для фермерского уклада. Сельскому сообществу приходится долго согласовывать, чтобы фермер разрешил поить скот их в его водоеме (пруде), вызывает беспокойство прогон стада к пастбищу по дороге смежной с посевами фермера, трудность найти пастухов и т.п.

Пока не сложился образ «обязательного» финансового или иного участия фермерства в решении проблем жизни сельских сообществ и территорий. Согласно опросу, треть фермеров среднего и старшего возраста мешают ведению хозяйства, частые просьбы о помощи от местной муниципальной власти, но в целом от 73 до 83% жертвовали деньги на благотворительные цели, 20–26% участвовали в патриотических акциях.

Однако анализ показателей (общих распределений и индексов) социального самочувствия позволяет сделать вывод о том, что жизненный мир фермерства несоразмерно подавлен экономикой в ущерб духовности, что выражается в игнорировании совместности озабоченности фермеров и сельского сообщества о жизнеустройстве той и другой стороны. Причина лежит в институализации фермерского сектора, благодаря чему фермерское хозяйство не приняло образ семейного, как в странах Запада, а превратилось в фирму капиталистического типа и отношение к наемному персоналу воспроизводит раннюю тейлоровскую систему, когда человек приравнивался к машине. Суть ее – надзор, выжимание всех физических сил работающего человека. Никакой выгоды (с точки зрения партисипативности, самоуправления и справедливости) в таком экономико-хозяйственном укладе для наемных работников не существует. Фермер может добровольно позаботиться о расчистке дороги от снега к усадьбе своей тещи или матери. Что же касается всего

сельского сообщества деревни, в которой (или рядом) базируется его хозяйство, то делает он это под «мягким» нажимом муниципальных властей. Если сравнить современного фермера с председателем самого захудалого колхоза того времени, когда структура включала «одна деревня – один колхоз» (послевоенные годы до укрупнения колхозов), то и здесь фермер проигрывает: председатель даже в силу крайне ограниченных средств заботился о всем селе. Нынешний фермер отсекает от сельского сообщества всех, кто у него не в найме. Наемному персоналу он может допустить какие-нибудь льготы по приобретению фуража, но это десяток-другой, остальные (большая часть самой деревни), как это предусмотрено институализацией, дает ему возможность быть безразличным к нуждам своих односельчан, которым приходится уповать лишь на его нравственный потенциал.

* * *

Применение в качестве целевого индикатора соразмерность участия фермеров в более широком пространстве жизненного мира позволяет скорректировать целый ряд социальных функций этой социоструктурной группы, более точно оценить ее возможности как участника социальных действий по поддержанию устойчивости жизни населения сельских территорий и поселений.

Понятно, что все эти моменты рассогласованности элементов жизненного мира невозможно устранить в короткие сроки, но достижение определенного приемлемого уровня позитивной согласованности – задача, которую и сегодня удается решать во многих сельских территориях, опираясь в том числе на потенциал фермерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Вехи российской социологии 1950–2000-е годы / Под ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовского. СПб.: «Алетейя», 2010.
- Великий П.П. Фермерство – (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 79–88. DOI: 10.31857/S0132162524050064.
- Группировка крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей по размеру сельскохозяйственных угодий (на 1 августа 2021 г.) // Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022.
- Индексы в статистике // Большой энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2002.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения (часть 1) // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 14–25. DOI: 10.31857/S0132162524040029.
- Мягков А.Ю. Диагностика и измерение социального самочувствия студентов: к обоснованию методики // Социология образования. 2015. № 7. С. 102–113.
- Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник БГУ. 2015. № 14. С. 38–45.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.

Статья поступила: 15.01.25. Принята к публикации: 04.02.25.

FARMING: LEFWORLD AND SOCIAL WELL-BEING

VELIKIY P.P.,

*Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia**Peter P. VELIKIY, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia (iagpran@mail.ru).*

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00219, <https://rscf.ru/project/24-28-00219/>

Abstract. The article presents the results of a sociological study of Russian farming. The author proceeds from the conceptual setup of farming, which emerged in Russia during the agrarian reform of 1994–2000, as a fundamentally new form of economic and socio-cultural connections and relations, unknown in the Soviet reality. After more than thirty years of functioning, the actors of this life way, firstly, have become the most prosperous layer among rural residents, have mastered new styles of behavior, secondly, they experience more diverse moral and emotional challenges in the course of implementing their life activities. The author substantiated the demand for science and management tasks to identify the fields of the life world of farmers – material, social and spiritual, and also analyzed their content. As a real problem, the proportionality of entry and presence in the fields of the life world of farmers of three age groups (youth, middle and old age) is highlighted. Being subjects oriented toward the constant streamlining of all components of the economy, farmers are more active in comparison with non-entrepreneurs in communication from the positions of “profitable-unprofitable”, “useful or useless”, “I don’t want to get in touch, but it might be useful”. Moreover, this assessment also applies to partners, communication with whom is formalized and therefore inevitable, nevertheless, it is also emotionally colored, since psychological and emotional relationships are connected in the everyday life of people’s life worlds. The criterion of where these relationships cross the boundaries of what is due and acceptable is the depth of the farmer’s morality as an individual. In the conditions of the farmer’s life, many temptations arise when it is possible to solve problems of profit by increasing resources or reducing costs, therefore ambivalence is also present in the choice of actions. The use of proportionality of farmers’ participation in a wider space of the life world as a target indicator allows one to adjust a number of social functions of this socio-structural group, and more accurately assess its capabilities as a participant in social actions to maintain the sustainability of life of the population of rural areas and settlements.

Keywords: farmers, life world, social well-being, material equipment, availability, concern, optimism, health, emotional tone, culture, spirituality

REFERENCES

- Belyaeva L.A. (2010) *Standard and quality of life. Problems of measurement and interpretation*. In: *Milestones of Russian Sociology 1950–2000s*. Ed. by Zh.T. Toshchenko, N.V. Romanovsky. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2024) Farming is an (Un)Rooted Social Group: Problem Statement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 79–88. (In Russ.)
- Grouping of Peasant (farm) Households and Individual Entrepreneurs by Size of Agricultural Land (as of August 1, 2021) (2022). In: *Main results of the 2021 agricultural microcensus*. Statistical collection / Federal State Statistics Service. Moscow: IRC “Statistics of Russia”. (In Russ.)
- Indexes in statistics (2002). In: *Large Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russ.)
- Kvale S. (2003) *Research interview*. Moscow: Smysl.
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2024) Subjective Well-Being: the Problem of Analyzing Population Qualitative Heterogeneity (Part 1). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 14–25. (In Russ.)
- Myagkov A. Yu. (2015) Diagnostics and measurement of students’ social well-being: towards substantiation of the methodology. *Sociology of education*. No. 7: 102–113. (In Russ.)
- Nekrasov N.A. (1981) *Reflections at the front entrance* In: *Complete works and letters in 15 volumes*. L.: Nauka, Vol. 2. (In Russ.)
- Osinsky I.I., Butueva Z.A. (2015) Social well-being: concept, formation factors and measurement indicators. *Bulletin of BSU*. No. 14: 38–45. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.)
- Heidegger M. (2003) *Being and time* / Per.: V.V. Bibikhina. Kharkov: Folio. (In Russ.)

Received: 15.01.25. Accepted: 04.02.25.